

ПОЭЗИЯ МИФА

А знаете, у Блока очень много слабых стихов. В его собрании сочинений туча такого, чего публиковать не стоило совсем. Это вырвалось из-под контроля однажды – по молодости, по недосмотру, по увлечению – и публикаторы понесли это вширь. Плохие стихи пишут все, но вот у Мандельштама их очень мало. Может быть, просто не сохранились. Блоку повезло меньше, его печатали щедро. Но он был поэтом. Даже несмотря на «Двенадцать». Он знал, что это уродливо, дисгармонично, нехудожественно, но он писал то, что слышал: утробный восторг ликующего хама.

Я думаю, что его прижизненная поэтическая слава образовалась в существенной степени из обаяния личности, которое было неотразимым. И когда его не стало, значительная часть этого поэтического образа исчезла. Современники ничего не заметили, потому что помнили его живым, а потомкам, по большому счету, все равно. Приоритеты для них уже размечены, остается разносить миф.

Стихи приобретают окончательную завершенность только после смерти автора. Те, что были слабы, оказываются бесповоротно неудачны, а те, что были прекрасны, становятся прозрачны и вневременны. Но оценивать их заново начинают уже только очень много времени спустя: если автору настолько повезет, что его еще станут перечитывать.

Одним из самых обворожительных мифов рубежа столетий был Владимир Соловьев. Его считали пророком и провозвестником, вдохновителем и создателем русского символизма, перед ним преклонялись как перед богом лучшие из современных ему поэтов. Мало кто усомнится в этих оценках сегодня. Честно говоря, большинству это по барабану. Какая разница, если его невозможно читать. Тяжеловесный, многословный и нудный пафос наполняет все десять, не то двенадцать томов его сочинений. Он был очень помпезный человек, судя по этим писаниям. И он несомненно обладал волшебным гипнотическим даром, потому что ничем иным не объяснишь его воздействие на Блока, Белого и весь серебряный век в целом.

Тут есть разница – между притягательностью личности и мерой художественности того, что эта личность принесла в мир. На самом деле мы не знаем, каким был Гойя. Кто был Шекспир. Что за человек носил имя Рембрандта. Но то, что они оставили после себя, излучает тепло и силу. В их словах, их линиях и красках – сумасшедший жар любви, который проходит сквозь языки и время. Сейчас уже неважно, какими они были при жизни.

Вот этот пожар в сердце, который сжигал Блока, есть в его стихах. Не во всех. В немногих. Они бессмертны. А остальные восемь томов можно спокойно выбросить в мусор.